

5766
M.5191.2

НАРОДНЫЯ
ПѢСНИ, СКАЗАНІЯ И ЛЕГЕНДЫ
Махловской волости, Юрьевцаго уѣзда,
КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНІИ.

КОСТРОМА.
ГУБЕРНСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1909.

15 АПР 1919

3/5

9/5

10/4 3152 1988
 21/10/1902
 24/10/1902 29/10/1902
 1975 1979 1979
 15/4/2 10/12/1902 24/10/1902
 1977 1989 1989
 11/5-3 1986 21/10/1902
 12/10/1902 1985 19/2/1902
 1978 1985 6/12/1902
 30/10/1902 1988 11/10/1902
 1974 1989 1989
 11/6/1902 1989 10/10/1902

1956

М. 5191.2

85

84

2076

и. Писарева

ЦЕНТРАЛЬНАЯ
 ШКОЛЬНАЯ
 БИБЛИОТЕКА
 Городского Совета
 Печ. № 490

1959 № 21

A-66

ПРОВЕРЕНО 1946

Handwritten scribble

НАРОДНЫЕ

ПЪСНИ, СКАЗАНИЯ И ЛЕГЕНДЫ

Махловской волости, Юрьевоцкаго уѣзда,

КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Андромашов

КОСТРОМСКАЯ
 ЦЕНТРАЛЬНАЯ
 Библиотека
 им. Н. Н. Крупской

М. 5191.2

КОСТРОМА.
 ГУБЕРНСКАЯ ТИПОГРАФИЯ.
 1909.

15 АИР

3/5

9/9

8(c) 2-18

66

8(c) 2-18
А-66

КОСТРОМСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
Библиотека
им. Н. И. Крупной

М. 5491.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ, СКАЗАНИЯ И ЛЕГЕНДЫ

Махловской волости, Юрьевоцкаго уѣзда, Костромской губерніи.

Изучая памятники народнаго пѣснотворчества, до сихъ поръ еще сохранившіеся въ предѣлахъ Костромской губерніи, и собирая матеріалы для мѣстнаго фольклора, я въ теченіе лѣта и отчасти осени 1904 года успѣлъ записать въ Махловской волости въ Юрьевоцкомъ уѣздѣ нѣсколько народныхъ пѣсень, легендъ и сказаній, которыя и представляю благосклонному вниманію любителей народной поэзіи.

Мной записаны: былина объ Ильѣ Муромцѣ, 3 такъ называемыхъ вьюнечныхъ пѣсни, историческая пѣсня о смерти Государя Императора Александра Павловича, пѣсня разбойничья, духовный стихъ—прощаніе души съ тѣломъ, 7 легендъ: 1) Христось съ апостоломъ Петромъ въ гостяхъ у пастуха, 2) Какъ юноша побывалъ въ гостяхъ у Господа Бога, 3) Христось и крестьянскія дѣвицы, 4) Какъ дьяволъ, пропѣвъ серафимскую пѣснь, превратился въ ангела, 5) О происхожденіи кошки, 6) О происхожденіи собаки, 7) Почему смерть такой страшной для людей стала; 2 сказки: 1) О силѣ материнскаго проклятія, 2) О силѣ льва и находчивости чловѣка.

Былина объ Ильѣ Муромцѣ.

Какъ по батюшку по синю морю по Верейскому
Тута плаваетъ-гуляетъ младъ ясенъ соколъ карабль.
Ищцо эфтотъ ли караблѣкъ разукрашень, крашень былъ,
Ищцо носъ да корма по змѣиному,
А бока то взведены по звѣриному.
Што на этомъ ли на караблѣ немножко людей,
Немножко маненько—только трое молодцовъ:
Ищцо носомъ то владалъ воръ Олешка Поповъ,

А кормой то владалъ всѣмъ полками богатырь,
 Надо всѣмъ караблемъ Илья Муромецъ большой.
 На Илюшенькѣ кафтанчикъ кармазинова сукна,
 Вотъ на правой ту на полкѣ сорокъ петелекъ,
 А на лѣвой ту на полкѣ сорокъ пуговокъ,
 Што на каждой ли на пуговкѣ посажено по льву,
 Посажено по льву, по заморскому звѣрю;
 Ему правая пола во пятьсотъ рублей стала,
 Ему лѣвая пола на всю тыщицу стала;
 Ему весь кафтанъ въ сорокъ тыщиць сталъ;
 У Илюшеньки есть тросточка да во сто пудъ,
 Какъ съ низовой ту сторонки легка лодочка бѣжить,
 Што на этой ли на лодочкѣ немножко людей,
 Немножко маненько—только пятьсотъ молодцовъ,
 Только пятьсотъ молодцовъ—все разбойничковъ.
 Они думали-гадали, какъ карабликъ имъ разбить,
 Какъ карабликъ имъ разбить, да какъ Илюшу погубить.
 Охъ, что Илюшенька по караблю похаживаетъ,
 Тонкой тросточкой по пуговкамъ поваживаетъ.
 Свѣтлы пуговики разгорѣлися, всѣ заморски звѣрье разревѣлися.
 Всѣ заморски звѣрье разревѣлися, сине морюшко взволновалось,
 Тутъ разбойнички испугалися—въ сине морюшко покидалися.

Историческая пѣсня о Государь Императоръ АЛЕКСАНДРѢ I.

Собирался, свѣтъ ты Павлычъ, на Петровъ день домой быть.
 Ево мамонька царица што ни день ни ночь не спить,
 Што ни день ни ночь не спить—Олександра домой ждетъ *).
 „Ой, пойду, схожу на башню, да котора выше всѣхъ,
 „Я открою въ башнѣ окна, да въ ту сторонку погляжу,
 „Въ ту сторонку погляжу, гдѣ мой царь-сынъ воевалъ“.
 Какъ по питерской дорожкѣ, по московской широкой

*) Эта пѣсня давно уже поется во Владимірск., Тверской и другихъ смежныхъ губерніяхъ, но во Владимірскомъ краѣ начало ея такое:
 Собирался нашъ Лександра свою армію смотрѣть,
 Обѣщался нашъ Лександра къ Рождеству домой прибыть,
 Вотъ ужъ лѣто все проходитъ, а Лександра дома нѣтъ,
 Его матушка родная изсушилася по немъ:

То не пылъ въ полѣ пылила—молодой курьеръ бѣжить.
 „Я пойду, спрошу курьера: ты куды, курьеръ, спѣшишь?“
 „Охъ, я бѣгу, спѣшу скоренько изъ Таганрога да въ Москву.
 „Изъ Таганрога во Москву: братцы, вѣсть я вамъ несу.
 „Ой, вы скидайте шали алы, вы теряйте красоту,
 „Надѣвайте черны лавры: по всей правдѣ вамъ скажу:
 „Ищцо вамъ царь Олександръ отъ въ Таганрогѣ кончилъ жисть,
 „Што двѣнадцать енераловъ на главахъ тѣло несутъ,
 „А двѣнадцать офицеровъ въ поводахъ коня ведутъ“.

Вьюнечныя пѣсни.

Вьюнечныя пѣсни обыкновенно поются мужиками и бабами, ребятишками и дѣвчонками въ субботу на Святой недѣлѣ подъ окнами молодыхъ, сочетавшихся бракомъ во время зимы. Обычай этотъ ведется изстари, исполняется и до сихъ поръ; а самая суббота называется окликальною. Въ благодарность молодые угощаютъ окликальщикова виномъ, пивомъ, яицами или пряниками; изъ трехъ приводимыхъ здѣсь мною пѣсенъ первыя двѣ поютъ мужички и парни, а третью исключительно бабы, почему она и называется бабимъ вьюнцомъ.

На шаталась ли, вьюница,
 По садамъ и городамъ,
 Не хваталась ли, вьюница,
 За угожи дерева?
 Вьюнецъ ты, ой молодой! (Припѣвъ).
 Какъ въ вершинѣ тѣхъ деревъ
 Соловей гнѣздо свивалъ,
 Въ серединѣ тѣхъ деревъ
 Мчелы гнѣзда вьютъ,
 Во корняхъ то тѣхъ деревъ
 Горностаи гнѣздо свивалъ,
 Горностаи гнѣздо свивалъ,
 Да малыхъ дѣтокъ выводилъ,
 Малыхъ дѣтокъ выводилъ,
 Да на сине море пускалъ:
 Вы плывите, не тоните
 По синему морю вдоль,

По синему морю вдоль,
 Да ко выюнду прямо во дворъ,
 Ко выюнду прямо во дворъ,
 Да ко выюницѣ во теремъ.
 А выюница не лѣнива:
 Нову горенку мела,
 Да звончаты гусли нашла.
 Вотъ кому въ гусли играти,
 Все выигрывать.
 Ужъ играть ли, не играть ли
 Все выюнду молодцу,
 Утѣшать ли, не утѣшать ли
 Все выюницу молодцу.
 А выюнецъ въ гусли играетъ,
 Приговариваетъ:
 Если сына принесешь,
 Я добра коня куплю;
 А если дочь ты принесешь,
 Я высокъ теремъ срублю,
 Ой, онъ не низокъ, не высокъ,
 Да на пятнадцати рядахъ,
 На пятнадцати рядахъ,
 На шестнадцати столбахъ.
 Крыша бархатная,
 Печь муравленая,
 Труба выведена,
 Стругомъ выстрогана,
 Стругомъ выстрогана,
 Другимъ выглажена;
 На передней то стѣнѣ
 Три окошечка, три косящатыя,
 Три косящатыя, да всѣ рѣшетчатые.
 Какъ во этомъ терему
 Да на сосновомъ полу
 Дубовы столы стоятъ,

Дубовы столы стоятъ,
 Да ножки точеныя,
 Ножки точеныя, позолоченныя.
 Какъ на тѣхъ ли на столахъ
 Бѣлы скатерти лежатъ,
 А на тѣхъ ли скатертяхъ
 Три угодица стоятъ,
 Да три угодливыя.
 Ужъ какъ перво то угодые—
 Стоитъ склянница вина,
 А второе то угодые—
 Стоитъ пива яндова,
 А какъ третье то угодые—
 Красны яйца лежатъ.
 Ахъ, какъ бы намъ да молодцамъ
 Да по рюмошечкѣ винца,
 Да по стаканчику пивца,
 Да на закуску пирожка,
 На закуску пирожка,
 Да по четыре-бъ яйца,
 По четыре-бъ яйца,
 Да по пятому барыша,
 Чтобы славушка была
 Про тебя ли про выюнду,
 Да со выюницею.

Выюне-ецъ-молодецъ!
 Пора ти вставати:
 Пришли окликати.
 Выюне-ецъ молодецъ! (Припѣвъ).
 Встань ко ты, проснися,
 Воденькой сплеснися,
 Ширинкой утрися!
 (Ширинка то шитая,
 Шита, не дошита

Трюмя шелкамъ браньемъ,
Трюмя шелкамъ разнымъ:
Первымъ шелкомъ краснымъ,
А другимъ зеленыемъ,
Третьимъ шелкомъ чернымъ).
Богу помолися,
Гостямъ поклонися;
Гости те хорошіе:
Сватушку со свахонькой,
Шурину съ невѣстухой.
Какъ по сѣнямъ, сѣнямъ
По новымъ высокіемъ
Ходили-гуляли —
Три красны дѣвицы,
Вьюнцовы сестрицы;
Самая большая
Коня выводила,
Средняя сестрица
Коня обѣдлала,
Вьюнца выпрошала:
„Куда, вьюнецъ, ѣдешь?“
„Я ѣду, поѣду
„На царскую службу,
„На салдатку нужду.
„Конь у меня добрый:
„Правой ножкой топнетъ—
„Всю силу положить,
„Всю силу невѣрную.“
Сама молодая
На коня сажала,
Вьюнца выпрошала:
„Ковда, вьюнецъ, будешь?“
„Я буду, побуду
„На лѣтній на праздничекъ,
„На самый на Петровъ денекъ:

„Грязи те повысохнутъ,
„Травы те повыростутъ.
.
Взволновалось море
Безъ вѣтру, безъ вихорю,
Безъ частого дождичка.
Разыгралась рыба,
Рыба то севрюга,
Выкинула камешекъ
На крутъ бережокъ,
Камешекъ дресвянышекъ.
Разсыпался камешекъ
На маковы зернышки.
Выросталь тутъ кустичекъ,
Кустичекъ ракетовый,
На кусточкѣ кашика,
На кашикѣ мташика,
Мташика соловушекъ.
Мташика соловушекъ
Поетъ распѣваетъ,
Вьюнца утѣшаетъ
Вьюнца со вьюницею...
А намъ бы по яичку!...
* * *
Научить ли тебя, вьюница,
Какъ въ чужихъ ту людяхъ жить?
Ой ли, вьюница, ой молодая!
Во чужихъ ту людяхъ жить,
Да надо каждому служить.
Ой ли, вьюница, ой молодая! (Припѣвъ).
Ужъ какъ свекру услужить—
Корму конямъ замѣсить.
А свекрови услужить—
Въ избу дровецъ наносить.
А деверьямъ услужить—

Пару коней заложить,
 Какъ золоткѣ услужить—
 На базаръ скорѣй сходить,
 На базаръ скорѣй сходить,
 Да бѣлилъ, мазилъ купить.
 А какъ мужу услужить—
 Чаше банюшку топить,
 Чаше банюшку топить,
 Да съ имъ париться ходить,
 Съ мужемъ париться ходить,
 Черпачекъ съ собой носить,
 Черпачекъ то новенькій,
 Вѣничекъ зелененькій.

Пѣсня разбойничья.

Женихи ко мнѣ не сваталися,
 Меня замужъ долго не брали.
 Што засваталъ меня милой братъ,
 Онъ за вора за разбойничка,
 Охъ, что за вора за разбойничка,
 За деннова подорожничка..
 Што со вечера разбойникъ
 Ворона коня кормилъ,
 Со полуночи закладываетъ,
 Молодой женѣ наказываетъ:
 „Молода жена, хозяйшка моя,
 Не гаси ко ты всю ночь темну огня!“
 Охъ, всю я ночь огня не гасивала,
 Всю лучинушку въ угарки клала,
 Свово мужа съ добычи ждала.
 Охъ, стукнетъ, брякнетъ во колечушко,
 Въ золоты новы воротичка.
 „Ты пушчай ко меня молодца на дворъ,
 „Засвѣчай ко свѣчи сальныя,

„Выбирай платьє кровиное,
 „Ты ступай ко на Дунай—быстру рѣку!“
 Половину платьєа вымыла:
 Рубашечка брата милова,
 Голубо платьє невѣскино,
 Ала ленточка милой сестры.
 Охъ, я пошла домой, расплакалася,
 Своему мужу раскланялася:
 „Ты родима лада милая,
 „Нашто убилъ брата милова?“
 „Я махалъ, махалъ черной шляпой ему:
 „Свороти ко, шурина, въ сторону,
 „Не своротишь если въ сторону,
 „Што срублю я долой голову.
 „Въ первой встрѣчѣ спуску не было
 „Што ни батюшку ни матушкѣ,
 „А не то что брату милому твоему“.

Духовный стихъ—прощаніе души съ тѣломъ.

Вы проспали, продремали
 Все царствіе да небесное.
 Ужъ вы голуби, ужъ вы бѣлые!
 Гдѣ вы были, вспобывали?
 Мы не голуби, мы не бѣлые:
 Мы ангелы, мы архангелы.
 Ужъ мы были, вспобывали,
 Гдѣ душа съ тѣломъ разставалася,
 Разставалася и прощалася:
 „Ты прости, прощай, тѣло бѣлое,
 „Тѣло бѣлое, многогрѣшное.
 „Какъ тебѣ тѣлу во сырой землѣ лежать,
 „А меня душу на судъ зовутъ,
 „На судъ зовутъ, ко Господу,
 „Гдѣ душамъ будетъ раздѣленіе:
 „Душамъ праведнымъ—миръ селенія,

„А душамъ грѣшнымъ—мука вѣчная,
 „Мука вѣчная, безконечная“.
 И пришла душа на востокъ солнца.
 Тамъ стоятъ рай и всѣ заперты,
 Въ нихъ сидятъ души все спасенныя,
 „А мнѣ душѣ здѣсь мѣста нѣтъ“.
 И пошла душа, заплакала,
 На закатъ солнца шла рыдаючи.
 Тамъ стоятъ ады и всѣ отперты.
 Въ нихъ сидятъ души, души грѣшныя,
 „И мнѣ душѣ тутъ мѣсто есть“.
 Пошла душа и застряла тамъ,
 Находилась она, намытарствовалась.

**Легенда: Христосъ съ Петромъ апостоломъ
 въ гостяхъ у пастуха.**

Вотъ пасеть себѣ на полѣ стадо пастухъ. А Христосъ съ Петромъ апостоломъ ходилъ въ ту пору по землѣ. Идутъ это они, а ночь ужъ наступаетъ: нужно имъ, значить, на ночлегъ проситься. „Пусти, говорятъ, насъ, пастушокъ, на ночлегъ!“ „Ступайте, говоритъ, у меня въ палаткѣ почуйте!“ „А ты, говорятъ, заколи про насъ овечку, да сжарь, а мы пойдемъ вотъ тутъ во лѣсокъ, погуляемъ“. И ушли, значить, гуляютъ. А пастушокъ закололъ овечку, да не терпится ему: сжарилъ, да печенку взялъ, да и скушалъ. Ну вотъ пришли Христосъ съ Петромъ и говорятъ: „давай намъ, пастушокъ, покушать!“ Онъ и подаетъ имъ тушу. Легкія и сердце и мясо все поѣли они и говорятъ: „не все еще, чего то не хватаетъ. Печенка гдѣ?“ Ну а пастухъ себѣ думаетъ, что это простые странники, и говоритъ: „а ее не было“. „Какъ, говорятъ, не было: должна быть“. „Нѣтъ, говоритъ, не было: не знаю ужъ гдѣ“. „Ну, говоритъ Христосъ, должна же гдѣнибудь быть: ктонибудь да поѣлъ ее. Иди ко, говоритъ, на поле; тамъ коло лѣсу положили мы мѣшокъ съ золотомъ. Принеси его сюды!“ Пошелъ туда пастушокъ, взялъ и тащить большой мѣшокъ, едва претъ, значить, наклоняется. „Ну подавай его сюды!“, говоритъ Христосъ; взялъ у пастушка мѣшокъ и разсыпаетъ золото; разокладъ на четыре равны

кучи и говоритъ: „вотъ это будетъ твоя, пастушокъ, а то Петру, а вонъ та моя, а вотъ четвертую не знаю, кому отдать. Надо тому, кто печенку поѣлъ“. „Да вѣдь ее, говоритъ пастухъ, не было“ „Нѣтъ, говоритъ Христосъ, должна быть она. Какъ же, говоритъ, не было: этого быть не могло. Пущай, говоритъ, и будетъ та куча того, кто поѣлъ печенку“. Тутъ пастушокъ бросается передъ ними на колѣни. „Простите, говоритъ, это я съѣлъ“. Прельстился онъ, значить, деньгами и признался имъ. „Ну ладно, говоритъ Христосъ, я вѣдь знаю, что ты: окромя тебя некому. Возьми обѣ кучи, да впередъ то такъ не грѣши!“

Какъ юноша побывалъ въ гостяхъ у Господа Бога.

Жили-были въ одной деревнѣ мужъ съ женой; и жили они богато; дѣтей у нихъ было мало: всего на всего одинъ только сынъ. Да и тотъ сталъ жить не по людски: всегда постился это въ ребятишкахъ то. И нѣтъ чтобы онъ когда побаловалъ, все книги читаетъ, да милостивой. Ужъ ровно какъ Богъ нарочно зародилъ его такова. Ужъ съ книги нейдетъ, и все то онъ знаетъ. Ну вотъ онъ выросъ. Ужъ пошелъ ему девятнадцатый годъ. Отецъ съ матерью рѣшили его женить. Все одумали и невѣсту ему богатую приискали и все; только бы свадьбу. А онъ и жениться не хочетъ, а просить дѣлиться съ отцомъ. Какъ его ни уговаривали мать съ отцомъ, не послушался. „Давайте, говоритъ, мнѣ слѣдующую часть: я съ вами и жить не хочу“. Ну нечего дѣлать; поугovarивали, поугovarивали, да толку нѣтъ. Пришлось отдѣлить сына. Отдѣлили, домъ ему построили хорошій и дали всего: земли и скотины и одежи и хлѣба и денегъ. И онъ началъ жить, какъ самъ хотѣлъ. Все постится да книги читаетъ, да всякому нищему милостину подаетъ; все обѣды дѣлаетъ, да закупить лаптей, да всѣхъ нищихъ созоветъ; нарочно ходить по деревнямъ, да узнаетъ, гдѣ есть голодные, да всѣхъ созываетъ. А коли запряжетъ лошадь, да все на телѣгѣ развозить по разнымъ мѣстамъ да все ищетъ, нѣтъ ли кого голодныхъ али бѣдныхъ, да все ихъ кормить да помогаетъ, чѣмъ надо; а родители его межъ собой смѣются: вотъ погоди, сынокъ продѣлится скоро; такъ къ намъ

же придетъ. Самъ ѣсть то захочетъ, такъ ужъ мы ему товда покажемъ. А онъ знай свое: никого не слушаетъ, все дѣлать, да дѣлать.

Вотъ онъ однажды поѣхалъ искать къ себѣ гостей (онъ нищихъ то гостями звалъ, да обращался съ ними уважительно, какъ съ правдошными гостями). Вотъ поѣхалъ и видитъ: на дорогѣ сидитъ старецъ, отдыхаетъ, какъ будто странникъ. „Здравствуй, старецъ Божій!“ говоритъ юношъ. „Здравствуй, младо юношъ!“ отвѣтилъ старецъ. „Не поѣдешь ли со мной ко мнѣ въ гости?“ „Что жъ, поѣду“ говоритъ старецъ и сѣлъ на его телѣгу. Приѣхали. Разослалъ юношъ по столу столесникъ и наставилъ блюдовъ хлѣба. А старецъ сидитъ и ѣсть. А юноша все ему услуживаетъ. Вотъ ужъ старецъ и наобѣдался и говоритъ: „спасибо тебѣ, младо юношъ: я у тебя погостилъ. Теперь ты ко мнѣ приѣзжай, а дорогу, говоритъ, вотъ какъ узнаешь. Я тебѣ пришлю коня, а ты садись на его и не правь. Онъ ужъ самъ привезетъ тебя ко мнѣ на дворъ. Да смотри, какъ услышишь, что онъ подѣзжаетъ къ твоимъ воротамъ, да начнетъ храпѣть да копытомъ землю бить, взрывать, такъ оставляй все свое дѣло, садись и поѣзжай ко мнѣ! Онъ ужъ самъ тебя привезетъ“. Послѣ того старецъ скрылся.

Вотъ однажды сидитъ этотъ юношъ за столомъ да угощаетъ своихъ гостей, все имъ подаетъ и подчуетъ. Вдругъ слышитъ: стукнуло въ ворота. Онъ началъ прислушиваться: что то храпитъ. Вылѣзъ онъ изъ за стола, глядитъ въ окошко, а у воротъ то конь; такой хорошей: шея то серпомъ, а изъ ноздрей то такъ, какъ огонь пышетъ, а изо рта дымъ валитъ. Тутъ онъ заторопился, даже и съ нищими не простился, побѣжалъ, сѣлъ на коня, а конь бѣгомъ понесъ его куда-то.

Вотъ и ѣдутъ они по лѣсу. Видитъ юношъ: сидитъ у дороги женщина, сидитъ и кишки мотаетъ. Какъ онъ поѣхалъ мимо ее, она и закричала: „Младо юношъ! Ты къ Господу Богу ѣдешь. Спроси тамъ Господа Бога, за что Онъ меня наказалъ кишки мотать, и долго ли я еще промотаю“. А юношъ ничего не говоритъ: все думаетъ, какъ бы не опоздать ему къ старцу.

Вотъ они ужъ проѣхали большой, дремучій лѣсъ, подѣзжаютъ къ морю-океану; на берегу моря на песку то по обѣимъ сторонамъ

дороги гуляютъ кони. По правую сторону гуляютъ по песку кони дюжіе, хорошіе и ѣдятъ песокъ. Ужъ такъ завиваютъ, какъ будто они николи не ѣдали. А по лѣву сторону гуляютъ кони худые, а ѣдятъ шелковую траву, по брюхо въ ей гуляютъ, а все голодные, худы, и никакъ не могутъ наѣсться, подюжѣть. Они трягнули гривой юношъ, а онъ все торопится, ѣдетъ.

Ужъ по морю ѣдетъ юношъ, по мосту, думаетъ. А онъ вовсе ѣдетъ по рыбѣ. Вдругъ какъ заговорила подъ нимъ рыба: „Младо юношъ, говоритъ, ты къ Господу Богу ѣдешь. Спроси тамъ Господа Бога, долго ли мнѣ рыбѣ-киту лежать поперегъ моря-океана, и по мнѣ будутъ ѣздить“.

А юношъ все ѣдетъ и никому ни слова не отвѣчаетъ. Все ѣдутъ они по дорогѣ этой, и вдругъ видитъ юношъ: стоитъ хорошій домъ. Ну вотъ въѣзжаетъ юношъ на дворъ, и выходитъ къ нему на встрѣчу все тотъ же старецъ, что гостилъ у него. „Здравствуй, юношъ!“ „Здравствуй, старецъ Божій!“ И тутъ старецъ взялъ его и повелъ къ себѣ въ покой. Что и за красота вездѣ. Глядитъ юноша и не можетъ наглядѣться: вездѣ какое хоросево, свѣтло. Прошли они со старцемъ по покоямъ его. Потомъ старецъ посадилъ его за столъ и началъ угощать его. „Ѣшь, младо юношъ: я у тебя обѣдалъ“. А блюдовъ то ему всякіехъ, разныхъ наставилъ; а юноша ужъ и не ѣсть. Только глядитъ то на нихъ, такъ и то ужъ сытъ. Посидѣлъ онъ, поглядѣлъ, отвѣдалъ коихъ кушаньевъ сладкихъ, да ужъ ему и такихъ не хочется. Всталъ изъ за стола, благодаритъ за угощенье хозяина и говоритъ: „позволь мнѣ погулять въ садахъ твоихъ, поглядѣть, что за сады такіе“. „Иди, младо юношъ, погуляй, погляди, говоритъ старецъ, только гуляй и гляди за двумя воротами, а тутъ еще есть третьи ворота; завязаны они мочалкой; такъ тѣ не отвори и не гляди за нихъ“. И старецъ проводилъ его въ свои сады. Ходитъ юношъ и гуляетъ и не можетъ наглядѣться на старцовы сады. Больно ужъ вездѣ хорошо. Отворилъ и ворота и въ тѣ, значить, сады вошелъ, да все ходитъ да любитъся и никакъ не можетъ наглядѣться. И вдругъ онъ увидалъ третьи ворота, завязанныя мочалиной. Подумалъ, подумалъ, да и не утерпѣлъ: дай, думаетъ, погляжу, что за эфими воротами, почему старецъ не велѣлъ глядѣть туда... и развязалъ и отворилъ ворота: стоитъ на порогѣ, глядитъ самъ:

Что такое? Передъ нимъ огненное колесо вертится, и смола кипитъ, и вумъ страшный. Вотъ онъ глядитъ, а колесо какъ повернулось, такъ оттуда и выскочилъ отецъ его страшный. Юношъ хотѣлъ спасти, вытащить его, да какъ схватить за бороду; а она такъ и осталась у него въ рукахъ, а отца опять подъ колесо увернуло. Удивляется юношъ и боится: не знаетъ, куда теперь дѣтъ ему эту бороду, чтобы де старецъ то не узналъ. Подумалъ, подумалъ: некуда; и положилъ ее себѣ за пазуху. А колесо какъ оячь повернется, а оттуда его мать, вся въ огнѣ и смолѣ, вывернулась. Онъ закричалъ: „мама!“ и хотѣлъ было вытащить ее изъ огня, да какъ схватить ее за руку. А рука то вся отъ самаго плеча и отвалилась и осталась у него. А мать увернуло снятъ туда. Удивляется юношъ: какъ это отецъ его и мать попали сюда, и какъ это старецъ такой самъ добрый, а такъ ихъ мучить. И не знаетъ юношъ, куда бы ему руку материну спровадить. Думалъ, думалъ, да и положилъ ее къ себѣ за пазуху. Онъ ужъ догадался, что это не простой старецъ, а самъ Богъ: надо де покаяться, что я не послушался его, и умолить. Вотъ онъ затворилъ, завязалъ ворота мочалой, все, какъ было, и возвращается къ старцу въ покой. А старецъ ужъ встрѣчаетъ его и спрашиваетъ: „что, млада юношъ, хорошо ли погулялъ въ моихъ садахъ, и пондравилось ли тебѣ все мое?“ — „Ой, Господи, какъ вездѣ у тебя хорошо: не нагладишься. Да я согрѣшилъ передъ Тобой — прости меня: я поглядѣлъ въ тѣ ворота, въ которыя Ты мнѣ не велѣлъ.“ — „Ну такъ что же ты тутъ, млада юношъ, видѣлъ?“ — „А я, Господи, видѣлъ: вотъ вертится громадное колесо, и оно все въ огнѣ и въ смолѣ. И вдругъ оно вывернуло снизу сперва отца моего. Я было хотѣлъ вытащить его: схватилъ за бороду, а она у меня и осталась. А потомъ мать. И ее хотѣлъ вытащить за руку, и рука отвалилась. Что это, Господи, за что имъ такое мученье?“ — „А за то, сказалъ Богъ, что они согрѣшили. Все то, что ты тамъ видѣлъ, значитъ, что отецъ твой ѣздилъ воровать лѣсъ, а на него упало бревно и оторвало ему бороду. А мать твоя пережинала полюсы чужія и снимала спорынью съ квашень: и у нее изъ за этого рука отнялась. Вотъ ты пріѣдешь домой и приставь отцу бороду, и она приростетъ; а матери руку, и она приростетъ. Ужъ имъ срокъ-отъ вышелъ: оттерпѣлися за грѣхи.“ — Тогда юношъ

спросилъ его: „Господи! А вотъ коли я ѣхалъ къ Тебѣ, такъ видѣлъ: сидитъ въ лѣсу при дорогѣ одна женщина, кишки мотааетъ. Она мнѣ велѣла Тебя спросить, за какіе грѣхи она наказана, и долго ли она кишки промотаетъ. Потомъ я видѣлъ: у моря гуляютъ кони. Съ одной стороны дороги ѣдятъ песокъ, да дюжіе, а съ другой стороны ѣдятъ шелковую траву, а худые и никакъ не могутъ отѣяться. А потомъ, Господи, я ѣхалъ по морю—океану. И лежитъ тутъ рыба—китъ, и по ней ѣдятъ. Она просила меня спросить тебя, за какіе грѣхи она наказана, и долго ли по ей ѣздить будутъ.“ — „А вотъ, коли ты поѣдешь назадъ, заговорилъ Богъ, то скажи рыбѣ киту, но только ужъ тогда, какъ переѣдешь море, что молъ за то ты и наказана, что проглотила каравль съ салдатами, и что тогда ты освободишься отъ наказанія, коли ослободишь каравль съ салдатами. А кони это значить, что вотъ, кои мужики ѣздить на базаръ и воруютъ у чужихъ коней сѣно, а своимъ отдаютъ, то все равно, хошъ ихніе кони и сѣно ѣдятъ, да худые бывають; а тѣ хошъ и голодны, да дюжи. А женщинѣ, что ты видѣлъ, что кишки мотааетъ, скажи, что она за то и наказана, что отымала у чужихъ коровъ молоко, и кормила своихъ дѣтей, и промотаетъ кишки она до самой смерти. Вотъ и скажи всемъ. А какъ ты думаешь, млада юношъ, долго ли ты у меня гостилъ?“ — „А думаю, говоритъ юношъ, что ужъ три дня гостилъ.“ — „Нѣтъ, говоритъ Богъ, ужъ ты у меня пробылъ тридцать лѣтъ. Поѣзжай домой скорѣй, покуда живы отецъ да мать.“ — Тогда юношъ поблагодарилъ старца, попрощался и поѣхалъ домой.

На дорогѣ рассказалъ юношъ и рыбѣ-киту и женщинѣ, что ему Богъ велѣлъ. И рыба сейчасъ выхаркнула изо рту каравль и поплыла. Вотъ пріѣзжаетъ онъ домой, а тамъ ужъ все перемѣнилось. И встрѣчаютъ его отецъ и мать ужъ старые: одинъ безъ бороды, а та безъ руки и плачутъ отъ радости, что его увидали. — „Что какъ долго, говорятъ, ты пропадалъ: вѣдь ужъ тридцать лѣтъ прошло отъ тѣхъ поръ. И все ему рассказали. И онъ все имъ рассказалъ и приставилъ отцу бороду, а матери руку, и они приросли сейчасъ же. И вотъ они все трое зажили вмѣстѣ и ужъ благочестиво, а не такъ, какъ прежде.

1875 М
 ГОСТИНИЦА
 Областной библиотеки
 им. Н. Н. Крулской

Христосъ и крестьянскія дѣвицы.

Вотъ однова шелъ Иисусъ Христосъ по землѣ, и пришлось ему проходить черезъ поле. А была смертная жара: просто, какъ жнешь, такъ нѣтъ терпѣнья—такъ все питье и морить. Вотъ тутъ и жала одна дѣвка. А Христу съ апостолами и пришлось проходить мимо ее. И захотѣлось имъ пить. Христосъ и говоритъ дѣвкѣ: „дай, говоритъ, намъ пить“.—„Пить? Да нѣтъ, говоритъ, мнѣ некогда: жать надо. Вамъ вѣдь только и дѣла, что шлаться. И квасъ-отъ далеко на межѣ. Да и разѣ напоишь васъ, такую араву?“—„Ну ладно, сказалъ Христосъ, дай тебѣ Богъ хорошева жениха!“.—И вотъ идутъ они дальше. И вотъ жнетъ на полѣ другая дѣвка, ужъ такъ старается—вся упрѣла, а ей хоть бы што: такъ и жнетъ и жнетъ, полной горстью все рожь захватываетъ. Христосъ съ апостолами подошли къ ней. —Здравствуй, молодлица, Богъ тебѣ на помощь!“ говоритъ. И она имъ поклонилась.—„Здорово, говоритъ, добрые люди! Дай намъ пить“ говоритъ. Сейчас же встала она и пошла, хорошимъ квасомъ изъ жбана ихъ напоила, все съ почтениемъ, честно, благородно.—„Спасибо, говоритъ Христосъ, дай Богъ тебѣ плохова жениха“.—И пошли они дальше. Вотъ идутъ, а ученики то ево и спрашиваютъ: „почему, говорятъ, Господи, та насъ не привѣтила и пить не дала, а ты ей пожелалъ хорошева жениха; а эта привѣтила и напоила, а ты ей плохова пожелалъ?“. А Христосъ имъ: „потому, говоритъ, что съ хорошимъ то она проживетъ всю жизнь счастливо и никакого горя не увидитъ, а съ плохимъ то всю эту жизнь протрадаетъ: за то на томъ свѣтѣ хорошо ей будетъ—царствіе небесное заслужитъ, какъ здѣсь помается.

Дьяволъ, пропѣвъ серафимскую пѣснь, превратился въ ангела.

Священникъ одинъ благочестивъ былъ, и молился онъ однажды въ алтарѣ церковномъ. А дьяволъ захотѣлъ искутить его на горячей молитвѣ. Тогда святой началъ кругомъ себя все ограждать крестнымъ знаменіемъ и увидалъ дьявола и погналъ его крестнымъ знаменіемъ и загналъ его въ уголокъ алтаря и прижалъ его въ уголку крестнымъ знаменіемъ. И запросилъ дьяволъ пощады у человѣка.—„Пусти,

говорить, отче! Что ты мучишь меня? Все равно, что огнемъ жжешь ты меня“. —„Пой серафимскую пѣснь!“ сказала святой.—„Ты знаешь, что я не могу“ простоналъ дьяволъ.—„Пой, закричалъ человѣкъ, а то все равно замучу. Пой!“—„Не могу, отвѣчалъ дьяволъ; если я запою, ты истаешь, какъ восковая свѣчка, отъ пѣсни той“. —„Все равно, пой!“ Тогда запѣлъ дьяволъ серафимскую пѣснь „Святъ, святъ, святъ Господь Саваофъ!“ И храмъ наполнился благоуханіемъ, а тѣло человѣка стало таять, какъ зажженная восковая свѣча. И сдѣлался дьяволъ свѣтлымъ ангеломъ и продолжалъ пѣть серафимскую пѣснь. И когда онъ спѣлъ три раза серафимскую пѣснь, человѣкъ весь растаялъ, и осталась отъ него одна лишь чистая душа, и запѣли они съ ангеломъ хвалебную пѣснь Богу и улетѣли въ небо.

Легенда о происхожденіи собаки.

Жила-была въ стары годы на свѣтѣ женщина. Смирная она была женщина: во всемъ покорялась Богу. И звали ее бакой. Вотъ однажды Богъ и заставилъ ее стеречь душу умершаго. И стерегла ее бака у каменной бѣлой ограды и ни на какіе соблазны не посягала: холодно ли ей, голодно ли ей, все тутъ сидѣла и стерегла грѣшную душу. И провѣдалъ про то дьяволъ—духъ злой, и захотѣлъ онъ похитить у Бога грѣшную, не раскаянную душу. И рѣшился сатана на хитрость. Зналъ онъ, что бака никогда не отходитъ отъ души и вздумалъ обмануть ее. И вотъ однажды, когда очень морозило, и бака сильно озябла, приступилъ къ ней сатана искуситель и сказалъ: „Вотъ ты озябла и дрожишь, а Богъ, коему ты служишь, и не позаботится о тебѣ. Вотъ хочешь ли, я дамъ тебѣ шубу, въ коей и лѣтомъ будетъ не жарко и зимой не холодно? Только за это должна ты мнѣ отдать душу, что стережешь“.—И прельстилась бака на его лукавыя слова, и предала нераскаянную душу прямо въ сатанинскія клипы: больно ужъ ей холодно было—назюбилась сердечная. И далъ ей дьяволъ духъ злой свою дьявольскую шкуру, въ которой лѣтомъ не жарко и зимой не холодно. И надѣла она ее, и сразу стало тепло. Но тутъ она спохватилась, что нарушила Божіе повелѣніе и прокараулила душу. И жалко ей стало души, и Бога страшно. И вотъ сѣла она на камень и горько заплакала. И долго она плакала; слезы, што ручей,

лились изъ ея глазъ. И вдругъ явился Богъ и сказалъ: „Что ты такъ горько плачешь, и гдѣ у тебя нераскаянная душа, которую поручилъ я стеречь тебѣ? И откуда у тебя такая нечистая шуба? Ты, должно быть, нарушила мое повелѣніе: предала душу сатанѣ-обольстителю, и онъ далъ тебѣ сію шубу. За это должна ты нести наказаніе: отнынѣ ты будешь не бака, а собака; и будешь ты служить у людей, караулить ихнее добро, и они будутъ держать тебя на цѣпи; ты же будешь лаять на прохожихъ и стеречь всю жизнь свою за то, что ты соблазилась и не могла потерпѣть короткое время. А когда захочешь ѣсть, то будешь ходить подъ окошками людей и глядѣть у нихъ куска, и будешь ѣсть то, что изъ милости выкинутъ тебѣ люди. А въ церковь и носу не показывай, потому что на тебѣ дьявольская шуба.“

Легенда о происхожденіи кошки.

Во время Ноя рѣшилъ Богъ покарать людей за грѣхи страшные и наслатъ на нихъ потопъ, а Ною приказалъ ковчегъ большой построить. Когда Ной ковчегъ выстроилъ, то Богъ велѣлъ ему звѣрей всякихъ набрать въ него. И Ною всѣ звѣри покорились; одного только мамонта не могъ онъ никакъ залучить. Мамонтъ не покорился: „Я, говоритъ, самъ не погину. Я, говоритъ, силенъ, такъ проплаваю.“—А и вправду, силенъ онъ былъ, да и великъ больно: больше медвѣдя и даже льва. Ну вотъ загналъ Ной въ свой ковчегъ (А это былъ большой караванъ, вотъ съ нашу деревню будетъ) звѣрей всякихъ, и слона тутъ же посадилъ и медвѣдя, и коровъ, и овецъ, и собаку. Только кошки тутъ не было. И вздумалъ врагъ рода человѣческаго дьяволь-зла начальникъ потребить Ноя и весь ковчегъ. И вотъ не вошелъ еще Ной въ ковчегъ, какъ жена его видѣла сонъ. Дьяволъ во снѣ сказалъ ей: „не ходи ты сразу въ ковчегъ—отъ, а то де вы погине-те, а сдѣлай такъ. Когда пойдетъ Ной съ семействомъ въ ковчегъ, ты не йди—упрямься до тѣхъ поръ, пока Ной не пошлетъ тебя три раза. Тогда ужъ и иди.“—Ну такъ вотъ, когда пошелъ Ной съ семействомъ въ ковчегъ, все семейство ужъ вошло. Только жена Ноя, исполняя сказанное во снѣ, не идетъ—стоитъ, куражится. Ной сказалъ — „Иди! Что ты нейдешь?“ Она стоитъ. Онъ опять: „иди же!“ Она ни съ мѣста. Тогда онъ закричалъ: „иди же, дьяволъ! Тебѣ го-

ворять.“—Тогда дьяволъ сдѣлался мышью и шмыгъ въ ковчегъ, а за нимъ и жена Ноева вошла. Вотъ полился батюшка дождичекъ, а онъ полилъ днемъ и ночью. И льетъ и льетъ, какъ изъ ведра, сердечный, и день деньской, и ночь ношную. Ужъ такова дождя и не было и не бываетъ никогда ни во вѣки вѣковъ. Сорокъ сутокъ лилъ сердечный. Вся земля сдѣлалась, какъ море. Негдѣ вступитъ: кругомъ вода. Избы всѣ снесло. А люди влѣзали на крыши, на деревья, да и тамъ не отставали грѣшить. Вотъ поднялась вода выше вершины всякія, и сдѣлалось все однимъ большимъ моремъ. И все на землѣ погигло. Одинъ только Ной съ женой и сыновьями, а у нихъ тоже были жены, въ ковчегѣ плавалъ по водѣ. И рѣшилъ тогда дьяволъ погубить ихъ всѣхъ: ему завидно было. И почала мышь грызть полъ у ковчегъ, чтобы дыру прогрызть, воды налить и потопить его: ну вѣдь дьяволъ хитеръ—знаетъ, что дѣлаетъ. А Ной молился и не зналъ ничего про то. Прогрызла мышь дыру въ ковчегѣ, только бы водѣ въ нее хлынуть, да увидалъ это ужъ, бросился да и заткнулъ дыру хвостомъ своимъ. Тогда мышь бросилась въ другой уголъ и тамъ стала грызть. Увидалъ это левъ да какъ чихнетъ и вычихнулъ кошку. Та почувала мышь и маршъ въ уголокъ подъ лавку. И пошла у нихъ борьба страшная. Какъ дьяволъ ни силенъ былъ, все же кошка его покорила и сожрала: вѣдь она отъ царя звѣрей произошла. Оттого у кошки рыло поганое, а шерсть чистая, и въ церковь можетъ ходить; а у собаки наоборотъ: у той шкура дьявольская: ей нельзя и въ храмъ Божій сходить.

Почему смерть для людей такой страшной стала?

Во времена стародавнія совсѣмъ смерть для людей не страшна была. Такой ли была красавицей дѣвицей! И вотъ ходила она ко всякому и докладывалась, что вотъ де пора тебѣ умирать, и того человѣка подрѣзывала косою. Да все Аридь виноватъ, что потомъ страшной стала.

Приходитъ это она къ Ариду, а онъ строитъ себѣ домъ. Она и говоритъ ему: „Тебѣ, Аридь, ужъ пора умирать.“—„Погоди, говоритъ, что же это? Я только застроилъ домъ, а ты—умирать. Погоди! Вотъ я сострою домъ, да, когда ужъ изживу его, когда онъ самъ

развалится, тогда ужъ ты приходи по меня.“— „Ну ладно, говоритъ, коли строй!“ И ушла она по другихъ. А Аридъ все строить домъ, все дольше и строить то старается. Построилъ, да мало, что крышу то желѣзную сдѣлалъ, да и углы те все желѣзомъ обиваетъ, чтобы все дольше то простоялъ. А тутъ сталъ еще жить въ этомъ домѣ. Скоро ли развалится: такую крѣпчину сдѣлалъ. А ужъ она къ ему не одинова приходила. „Ну, скажетъ, пора!“— „Да вотъ еще, скажетъ Аридъ, домъ—отъ стоитъ. Когда распадется, приходи!“ Такъ и уйдетъ смерть. Вотъ ужъ триста лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ смерть впервые къ ему приходила. Ну домъ ужъ сталъ плохъ. Скоро и вовсе упалъ. Тогда пришла она къ Ариду.— „Ну, говоритъ, пора ужъ те-перя.“— „Да нѣтъ, говоритъ, еще не пора: дай мнѣ гробъ сдѣлать!“— Ну опять ушла. А онъ сталъ искать дубу хорошева на гробъ себѣ. Ужъ долго ищетъ, а она опять пришла.— „Что, готовъ ли?“ говоритъ.— „Нѣтъ, отвѣчаетъ, все дубу подхожева нѣтъ.“— „Ну какъ хошъ, говоритъ, а я ужъ...“— „Ну погоди ужъ, баситъ тотъ, теперь ужъ найду.“— „Ну ладно, говоритъ, только въ послѣдній разъ!“— Ушла. А Аридъ нашель здоровенный дубъ и выдолбилъ въ емъ гробъ и крышку придѣлалъ ужъ. А смерть то и идетъ.— „Ну вотъ, пора“ баситъ.— „Да ужъ пора, говоритъ Аридъ. А ну ко примѣрай ко-сы: уберешься ли, чтобы мнѣ де не тѣсенъ какъ былъ“. А она туды и ввалилась.— „Ахъ, говоритъ Аридъ. Какой ты себѣ гробъ сподобилъ! Совсѣмъ не тѣсно, а больно ужъ хорошо!“ А онъ не будъ плохъ, да крышку то и захлопнулъ.— „Ну, говоритъ, коли хорошо, такъ и лежи тутъ!“ Да гвоздями ее тугъ заковалъ, желѣзны обручье набилъ, да и отвезъ ее во гробу то въ лѣсъ да зарылъ ее тамой въ землю да завалялъ дерномъ, такъ что даже наглухо, чтобы и не слышать ее тутъ было, да и уѣхалъ. Да сто годовъ она тамой и пролежала. Никто даже и не зналъ, гдѣ смерть, куды дѣвалась смерть. Всѣ ужъ старики те посѣдѣли. Ужъ всѣ дивились: куды де это смерть дѣва-лась? Всѣ такъ и живутъ и живутъ, а, навѣрно, ужъ коимъ и жить то надоѣло. Да ужъ до того дошло, что ужъ тамой, гдѣ это въ та поры былъ глухой—отъ лѣсъ, гдѣ смерть то схоронили, ужъ тутотка сдѣлалась дорога: стали, значить, ѣздить.

Вотъ ѣхалъ тутъ однажды мужичекъ, а она застонала въ та

поры тамой подъ землей то. Мужичекъ подумалъ: что то тамой дѣло не ладно. Человѣкъ, можетъ, какой завалень. Надо отвалять его. Да и отвалялъ. А она какъ выскочить, да на его. Да прямо тутъ его и подкосила да и пошла по свѣту голодная то; экое то чудородье всѣхъ до единова стариковъ приморила. Ужъ тутъ и Аридъ не ушелъ, какъ ни хитеръ онъ былъ. Видно, больно ужъ разсвирѣпѣла. Ужъ не будетъ годить: и такъ исхудала больно.

Сказка: сила материнскаго проклятія.

Жили-были два человѣка: въ городѣ ли, въ деревнѣ ли, про то не извѣстно, только такъ другъ друга любили, что просто, какъ говорится, душа въ душу жили. И куда одинъ, туда и тотъ идетъ.

И вотъ родились у нихъ у одного сынъ, а у другого дочь. И стали они расти. А родители ихъ такъ были дружны, что обручили сына съ дочерью, когда тѣ еще дѣтьми были, по девяти лѣтъ. Обручили, чтобы, какъ выростутъ, непременно бы считались женихомъ съ невѣстою, чтобы онъ не могъ на другой жениться, да и она не могла выйти за другого. Такъ они и жили, считая другъ друга женихомъ съ невѣстою. Вдругъ первый захворалъ оспой. И вотъ такъ она его испохабила, изкарявила, все лицо изуродовала, что совсѣмъ сдѣлала безобразнымъ, такъ просто и не глядѣлъ бы.

Пришло однако время его женить. И сталъ его отецъ требовать, чтобы отецъ той невѣсты выдавалъ дочь свою за его сына, какъ уговарились. Ну невѣста реветъ, конечно: не хочетъ итти за такого то. И отецъ ея тоже не хочетъ отдавать, потому что отецъ-отъ жениховъ обѣднѣлъ ужъ, такъ что они чуть собирать не ходили, и онъ ужъ давно съ ними отсталъ знаться. Отецъ жениховъ сталъ требовать, чтобъ выдавалъ, и подалъ въ судъ, чтобъ заставили, потому что де ужъ разъ обручили, такъ и надо вѣнчать. Долго ли, коротко ли, въ судѣ присудили отдать отцу за того каряваго сына дочь свою. А она была такая красавица, что, кажись, и лучше нѣтъ. Ничего не подѣлаешь: пришлось выдавать.

Стали къ свадьбѣ готовиться. Собрали невѣсту къ вѣнцу. И вотъ, когда шла она съ женихомъ къ вѣнцу, плакала сильно: вдругъ—де я такая то красавица, да иду съ такимъ рука объ руку. Пусть—де

будеть проклять и тотъ младенецъ, который отъ насъ родится. И только что она это сказала, не успѣла еще и выговорить, какъ вдругъ у нихъ сорвался словно силой какой невидимой обручальный платокъ, тотъ, что на руки надѣваютъ жениху и невѣстѣ, когда ихъ ведутъ къ вѣнцу, сорвался и улетѣлъ неизвѣстно куда. Такъ и пропалъ. Обвѣнчали. Стали они жить: ничего не подѣлаешь — какъ говорится, свыкнется, слюбится: ко всему — де человекъ привыкаетъ. Такъ и она — привыкла. И вотъ черезъ нѣсколько лѣтъ родился у нихъ младенецъ. Мальчишко вышелъ хорошій. Они ужъ почти что и забыли, что проклятіе на немъ. Мальчишко сталъ расти. Хорошій былъ, смиренный, послушный. Его полюбили не только что родители, но даже и сосѣдямъ всѣмъ онъ нравился.

Когда мальчику минуло девять лѣтъ, вспомнила его мать, что его прокляла, и рассказала ему обо всемъ. Тогда сказалъ онъ: „отпустите меня — я пойду выручать этотъ платокъ!“ Благословилъ его отецъ, мать поплакала, поставила предъ иконой и сама съ нимъ начала молиться, а потомъ собрала его въ дорогу, посоветовала, да велѣла зайти въ село къ священнику и простилась.

Вотъ онъ пришелъ къ священнику и рассказалъ, куда идетъ. Священникъ благословилъ его и послалъ къ старцу, который ужъ долго жилъ въ пустынѣ и тамъ все молился да работалъ. Святымъ его считали, и приходили многіе совѣтоваться. Причастилъ его священникъ и отпустилъ къ старцу. Мальчикъ пришелъ къ нему и все рассказалъ. А старецъ мудрый: все знаетъ. И спросилъ мальчикъ старца: „научи де меня, какъ платокъ достать!“ Старецъ поставилъ его на цѣлую ночь молиться и самъ сталъ тоже молиться. И вотъ на другой день старецъ благословилъ его, далъ ему воды святой и сказалъ: „Иди ты на море; тамъ на берегу лежитъ бревно. Ты его свали въ воду и плызи на немъ по морю, куда поплыветъ. А самъ ничего не дѣлай, только читай воскресную молитву. Хоть ужъ очень страшно тебѣ будетъ, ты все-таки не бойся, а только кропи вокругъ себя святой водой.“ — Мальчикъ пошелъ, свалилъ бревно въ воду. И не успѣлъ онъ еще свалить его, какъ вдругъ море заревѣло, застонало, забушевало. Волны зашумѣли, и началась страшная буря. Бревно завертѣлось, заерзало. Мальчишко испугался, все-таки началъ мо-

литься, вспомнилъ, что старецъ велѣлъ кропить святой водой. Покропилъ, и вдругъ стало немного потише. Онъ сѣлъ скорѣй на бревно и поѣхалъ. Море стонало, бревно вертѣлось, какъ щепка, но мальчишко старался не обращать вниманія, а самъ все читалъ молитвы да кропилъ вокругъ себя святой водой. И несетъ и несетъ его. Наконецъ принесло его къ берегу какого-то острова. Тутъ его сразу встрѣтило стадо нечистой силы. Бѣсы начали ловить его и чуть было не задушили. — „Ведите его къ куму! Поведемъ его къ куму,“ закричали. А кумъ это у нихъ начальникъ былъ, колдунъ. Душу свою онъ продалъ бѣсамъ, и весь этотъ островъ ему подчинялся. И творилъ онъ чрезъ бѣсовъ разныя чудеса. И бѣсы служили ему. Всѣхъ, кто пріѣдетъ на островъ, обязаны были приводить къ нему. И кумъ ужъ назначалъ, какое слѣдуетъ дать мученье человеку. Вотъ они потащили его съ крикомъ къ куму, какъ вдругъ онъ вспомнилъ, что надо святой водой ихъ. Онъ какъ брызнетъ. Они его и отпустили. А онъ значить, молитву, да драло отъ нихъ. И убѣжалъ, да и нашелъ старенькую избушку. И окна то у нея почти что въ землѣ. Постучался. Вышла старушонка. — „Чего тебѣ, паренекъ?“ — „Пусти, бабушка, въ избу. Меня хотятъ куму отдать, замучить. Спаси!“ — „Ну, иди коли!“ Она его накормила и запрятала въ шестокъ. А это была жена кумова, и онъ жилъ съ ней вмѣстѣ. Въ избушкѣ было бѣдно, а золото у нихъ было спрятано все въ подвалахъ подъ замками: имъ владѣлъ одинъ только кумъ.

Вотъ пришелъ вечеръ, и воротился кумъ домой и спросилъ, не спрятала ли она одного мальчишка. — „Нѣтъ.“ сказала. И сталъ онъ у нихъ жить. А скоро и кумъ узналъ его и полюбилъ. Вотъ, когда онъ его полюбилъ, мальчикъ-то и началъ его просить, чтобы кумъ сводилъ его въ свое идольское капище. А кумъ-то ужъ зналъ, чего ему тамъ надо, потому что старуха рассказала сперва мальчику, гдѣ платокъ его матери, а потомъ и куму, что платокъ этотъ достать надо. Кумъ повелъ его въ свое царство, чтобы все показать ему, а старуха дала ему свой платокъ. И они пошли. Вотъ подошли они къ капищу, а у дверей стоитъ страшный песъ съ тремя пастями, какъ жерло у печи, въ которой кирпичи обжигаютъ. Ну съ кумомъ-то онъ, конечно, пропустилъ. Самъ кумъ пошелъ по дѣламъ, а мальчика пре-

поручилъ бѣсамъ и сказалъ имъ, чтобы они ему все показали, что есть въ капищѣ, потому что онъ, говоритъ, будетъ моимъ помощникомъ. Бѣсы повели его по всему царству и все ему показывали, кому за какіе грѣхи какое мученье будетъ. И вотъ показали ему кумово ложе.—„Вотъ это, говорятъ, кумово ложе. Какъ кумъ умретъ, такъ его сюда и положить.“—Мальчикъ поглядѣлъ, а тутъ все торчали большущіе гвозди острые, а подъ ложемъ горѣлъ огонь такъ въ котлахъ и кипитъ. Мальчикъ ужаснулся, а они скорѣе опять закрыли это кумово ложе чугунной крышкой и повели дальше. Они все хотали, а мальчикъ все шелъ да шелъ. Вотъ ужъ наконецъ очутились въ самой дальней и потаенной комнатѣ, куда ужъ никто безъ позволенія кумова не смѣлъ войти. Тамъ висѣли разныя тайныя вещи со всей поднебесной. И вдругъ этотъ мальчикъ увидалъ свой платокъ; а кумъ былъ тамъ. Онъ сдѣлалъ мальчику знакъ, и тотъ подошелъ осторожно, снялъ платокъ (знакъ того, что онъ проклятъ, пока не достанетъ этого платка) и запряталъ его за пазуху, старухинъ то повѣсилъ на мѣсто его. А кумъ въ то время дѣлалъ бѣсамъ распоряженіе, чтобы они не замѣтили. Вотъ, когда мальчикъ спряталъ платокъ, кумъ повелъ его изъ своего царства. А бѣсы шли за ними, какъ будто кумова свита: онъ у нихъ былъ въ родѣ царя. И когда они стали проходить тѣмъ мѣстомъ, гдѣ было кумово ложе, то мальчикъ, чтобы, значить, отплатить куму за добро добромъ, открылъ кумово ложе. Бѣсы было не давали—загораживали, да онъ ужъ сказалъ:—„Вотъ, говоритъ, что уготовано тебѣ послѣ смерти то: это твое ложе“. Кумъ поглядѣлъ и испугался и побѣжалъ изъ капища, а бѣсы-то догадались, да за нимъ бѣгомъ. Стали хватать и кума и мальчишку. Крикъ, гамъ—„А, измѣнники! Держи ихъ, рви!“—Мальчишка былъ не такъ грѣшенъ, и его молитва сильнѣе была. А кумъ кричалъ: „Господи! Прости мнѣ. Нѣтъ меня грѣшнѣе, окаяннаго. Хоть часть прости мнѣ грѣховъ!“—Но только что ему бы выбѣжать изъ капища, какъ вдругъ онъ упалъ. Его бѣсы схватили и въ клочки разорвали. А мальчишко пришелъ къ старухѣ и все ей рассказалъ. Стала она молиться о мужѣ и дѣлила его золотомъ бѣдныхъ. А мальчикъ съ ней простился и поѣхалъ домой по морю на бревнѣ, но страховъ такихъ не было. Когда онъ зашелъ по пути къ старцу въ

пустыню и рассказалъ ему все, тотъ и говоритъ: „А Богъ—отъ несправедливъ. Ну-ко, говоритъ, кумъ всю жизнь грѣшилъ, и, какъ только покался, послалъ ему смерть. А я всю жизнь здѣсь маюсь. Нѣтъ мнѣ смерти“. Только онъ это сказалъ, какъ взбѣсился, забѣгалъ, залаялъ собакой и черезъ три дня умеръ. А мальчикъ пришелъ домой.

Сказка о силѣ льва и находчивости человѣка.

Жилъ въ дремучемъ лѣсу левъ. Конечно, всѣ его боялись: вѣдь царь звѣрей. И вотъ родился у него сынъ. Обрадовался отецъ и захотѣлъ его воспитать, какъ слѣдуетъ, и все ему внушалъ: „Никого де, сынъ мой, на свѣтѣ не бойся, одного только человѣка бойся“.—Вотъ старый левъ умеръ, и сынъ его похоронилъ съ царскими почестями, а заповѣди этой не могъ забыть: никого, кромѣ человѣка, не бояться.—„Что-де это за человѣкъ такой: видно-де большой и сильный онъ звѣрь, что отецъ мнѣ велѣлъ одного его бояться. Надо де спросить другихъ звѣрей“. Ну, созвалъ всѣхъ. Кто говоритъ: не знаю. А волкъ сказалъ, что-де очень страшный. Молодому льву захотѣлось самому поглядѣть на этого невиданнаго человѣка: „Узнаю-де и, если сильнѣй меня, такъ буду ему покоряться, а, если не сильнѣе, такъ нечего и бояться“. Вотъ и идетъ онъ это по дорогѣ. Вдругъ ему встрѣчается старикъ, сгорбившійся весь, и съ дороги льву не сворачиваетъ. Всѣ звѣри такъ его почитали и боялись, а онъ вдругъ такой маленькой, сгорбленный и не боится. Не человѣкъ ли-де это? Надо спросить—„Ты кого, говоритъ, боишься?“—Старикъ подумалъ и сказалъ: „Я де никого не боюсь, только одного Бога“.—„А ты человѣкъ?“—„Нѣтъ, говоритъ старикъ, я де былъ человѣкъ когда-то, а теперь ужъ я только полчеловѣка“.—Пошелъ левъ дальше: надо было ему видѣть цѣлаго человѣка. Встрѣчается ему мальчикъ лѣтъ такъ пятнадцати и тоже не сворачиваетъ. Опять спрашиваетъ левъ: „Ты кого боишься?“ Мальчишко не могъ такъ умно отвѣтить, какъ старикъ, и молчитъ.—„Я тебя спрашиваю, закричалъ опять левъ, кого ты боишься?“—Мальчишко все молчитъ.—„Да ты не человѣкъ ли?“ Тутъ мальчишко наконецъ отвѣтилъ: „нѣтъ, говоритъ, я еще не человѣкъ пока, а буду человѣкомъ“.—„Ну такъ, говоритъ левъ, мнѣ

тебя не надо. Иди!" И самъ пошелъ дальше. Вотъ идетъ онъ и видитъ: стоитъ плохонькой мужичонко и прутья въ кучу складываетъ. Тутъ левъ къ нему идетъ и спрашиваетъ: „Ты, говоритъ, кого боишься?“—„Я?“ говоритъ мужикъ. Да я никого не боюсь“.—„Такъ ты человекъ?“—„Да, говоритъ, я человекъ“.—„Такъ мнѣ, говоритъ, тебя то бояться! Да много ли тебѣ надо? Вотъ я, говоритъ, тебя одной лапой могу раздавить“.—„Эхъ ты!“ говоритъ мужикъ, да и бросилъ ему землей въ глаза, а самъ схватилъ дубинку, да все его по спинѣ то дубинкой. Левъ бѣгаетъ, кружится, чтобы это схватить-то его да заѣсть, а никакъ не можетъ, потому что въ глазахъ-то земля. Онъ началъ это выскрести изъ глазъ когтями землю, да еще того хуже: чуть глаза не выцарапалъ. А мужикъ такъ и колотитъ его сзади. Ну, тутъ левъ увидѣлъ, что ничего нельзя подѣлать съ этимъ мужичонкомъ, и попросилъ у него прощенья. Мужикъ отсталъ его хлестать. Тогда левъ пошелъ и сказалъ: „ну, право мнѣ отецъ-отъ говорилъ: никого на свѣтѣ не бойся, а бойся одного только человекъ!“.

В. Андрониковъ.

НОСГОРОМСКАЯ
Областная библиотека
им. Н. С. Крупской

115791

Лобовъ 12/41-2/2

